

МАРКИЗ ДЕ САД

ФИЛОСОФИЯ В БУДУАРЕ,
ИЛИ БЕЗНРАВСТВЕННЫЕ
НАСТАВНИКИ

Донасьен Альфонс Франсуа де Сад

**Философия в будуаре, или
Безнравственные наставники**

«Самухина Н.А.»

де Сад Д.

Философия в будуаре, или Безнравственные наставники / Д. де Сад — «Самухина Н.А.»,

...Сладострастники и сладострастницы всех возрастов и мастей, вам одним предназначен сей труд: впитайте его принципы – они, несомненно, распалят вас. Не верьте холодным скучным моралистам, усердно запугивающим вас страстями, – только с помощью чувств природа подталкивает человека к уготовленному ему пути. Доверьтесь восхитительному голосу страстей – и он непременно приведет вас к счастью...

Содержание

РАСПУТНИКАМ	6
ПЕРВЫЙ ДИАЛОГ	7
ВТОРОЙ ДИАЛОГ	11
ТРЕТИЙ ДИАЛОГ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Маркиз де Сад
Философия в будуаре,
или
Безнравственные учителя

Добрая мать предпишет чтение этой книжки своей дочери

Диалоги, предназначенные для воспитания юных девиц

РАСПУТНИКАМ

Сладострастники и сладострастницы всех возрастов и мастей, вам одним предназначен сей труд: впитайте его принципы – они, несомненно, распалят вас. Не верьте холодным скучным моралистам, усердно запугивающим вас страстями, – только с помощью чувств природа подталкивает человека к уготовленному ему пути. Доверьтесь восхитительному голосу страстей – и он непременно приведет вас к счастью.

Чувственные женщины, перед вами пример сластолюбивой Сент-Анж, неразрывно связавшей свою жизнь с божественными законами наслаждения; отриньте же, подобно ей, все, что им противоречит.

Юные девушки, истомившиеся в нелепых мучительных оковах добродетели и в не менее отвратительных цепях религиозных, – подражайте пылкой Эжени: с такой же стремительностью разрушайте, топчите ногами все пустые наставления, вдальбливаемые вам в голову ограниченными вашими родителями.

А для вас, любезные мои развратники, кто с молодых ногтей не признает иных препон, кроме собственных желаний, и иных законов, кроме причудливых своих капризов, – для вас образцом пусть служит циник Дольмансе. Желаете продвинуться в познаниях столь же далеко, как он, – прогуляйтесь вслед за ним по бесчисленным благоуханным аллеям сладострастия. Усвойте главные заповеди его школы: лишь расширяя сферу своих склонностей и фантазий и лишь жертвуя всем на свете наслаждению, злосчастное создание, известное под именем «человек», заброшенное, помимо воли, в безрадостный наш мир, возвращает розочки на терновнике жизни.

ПЕРВЫЙ ДИАЛОГ

Госпожа де Сент-Анж, шевалье де Мирвель.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Привет, братец. А где же господин Дольмансе?

ШЕВАЛЬЕ. Он придет ровно в четыре. Обедать сядем не раньше семи, так что времени поболтать у нас, как видишь, предостаточно.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Представь, братец, мне, право, даже чуточку неловко за сегодняшнее мое любопытство и за непристойные мои замыслы. Сказать по правде, ты ко мне излишне снисходителен, мой друг, зря ты во всем мне потакаешь, от этого лишь портится мой нрав. Чем рассудочней мне хочется стать, тем возбужденней и блудливей проклятая моя голова. В двадцать шесть лет пора бы сделаться благочестивой, а я еще ненасытней, чем прежде... Хочется натворить такое, что никому и на ум не придет... Мое пристрастие к женщинам, казалось, должно способствовать определенной сдержанности... я полагала, что достаточно сосредоточить влечение на представительницах своего пола – и оно не распространится более на вас, мужчин. Напрасные мечты, мой друг! Мысли об удовольствиях, коих я пыталась себя лишиться, еще сильнее разожгли мою фантазию. И я поняла: для тех, кто, подобно мне, рожден для разврата, бесполезно изобретать какие бы то ни было препоны – безудержный поток страстей тотчас сметет их на своем пути. Итак, дорогой мой, я принадлежу к тварям особого рода – амфибиям; с радостью позабавлюсь всем, чем угодно, мне нравится объединять различные жанры и стихии. Однако признайся, братец, не находишь ли ты несколько экстравагантным мое стремление к знакомству с этим чудачком Дольмансе – ведь он, как ты уверял, за всю свою жизнь ни разу не брал женщину обычным способом, ты еще говорил, что он содомит по убеждению, боготворит свой собственный пол и уступает домогательствам противоположного лишь при условии предоставления женщинами тех излюбленных прелестей, которыми он привык пользоваться при общении с мужчинами? Причуда моя, собственно, состоит в следующем: послужить Ганимедом сему новоявленному Юпитеру, испытать на себе его взыскательность, его непотребства, ощутить себя жертвой его извращенных фантазий. До сей поры, как ты знаешь, дорогой, подобным образом я отдавалась только тебе – из снисходительности – или кому-то из моих лакеев – им я платила за то, чтобы они обходились со мной именно так, и подчинялись они только ради денег. Сегодня же мною движет не снисходительность и не каприз – хочется войти во вкус... Различие между прежними и нынешними побудительными причинами, влекущими меня к своеобразной этой мании, огромно, и я жажду познать его нюансы. Опиши поподробнее твоего Дольмансе, желаю иметь о нем ясное представление еще до встречи. А то я видела его лишь мельком, и в каком-то постороннем доме.

ШЕВАЛЬЕ. Охотно, сестрица. Дольмансе исполнилось тридцать шесть лет. Он высокого роста, очень красивое лицо, необычайно живые и умные глаза. Правда, в чертах его порой проскальзывает едва заметная суровость и злоба. У него великолепные зубы. В фигуре и походке присутствует некоторая изнеженность – следствие привычки часто выступать в роли женщины. Он отличается безупречным изяществом, у него чарующий голос, уйма талантов, а главное – философский склад ума.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. В Бога, надеюсь, он не верует?

ШЕВАЛЬЕ. Да что ты! Отъявленный безбожник, чуждый всякой морали... Трудно найти пример более законченной и совершенной испорченности, никогда не встречал личности сквернее и подлее.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Ах, как все это меня возбуждает! Такой мужчина точно сведет меня с ума. А теперь о его вкусах, братец.

ШЕВАЛЬЕ. Они тебе известны. Услады Содомы одинаково дороги ему как в активной, так и в пассивной формах. Удовольствие он испытывает только с мужчинами. Подчас он допускает до себя женщин, но лишь в том случае, если они проявят сговорчивость и поменяются с ним полом. Я рассказал ему о тебе и о твоих намерениях. Он не возражает, но в свою очередь напоминает об условиях сделки. Еще раз повторяю, сестрица, он ответит решительным отказом на любую твою попытку склонить его к чему-либо иному: «То, что я согласен совершить с вашей сестрой, – заявил он, – особая вольность, непристойная шалость, коей допустимо осквернять себя крайне редко и со множеством предосторожностей».

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Осквернять себя!.. Предосторожности!.. Безумно люблю слушать, как изъясняются эти любезники! Мы, женщины, тоже умеем находить сильные слова, выражая глубокое свое отвращение ко всему, что не соответствует требованиям принятого у нас культа... Ну-ка признавайся, миленький, тебя-то он уже употребил? Уверена: мужчину такого склада не мог не привлечь двадцатилетний юноша с восхитительной фигурой!

ШЕВАЛЬЕ. Не скрою: мы с ним не раз совершали сумасбродства, но ты же у меня умница и не станешь за это порицать. В сущности, я предпочитаю женщин, а странным сим забавам предаюсь, лишь уступая натиску мужчины, достойного любви. В таких случаях я не в силах в чем-либо отказать. Я далек от глупой спеси юных ветрогонов, полагающих, что на подобного рода предложения следует отвечать ударами трости. Разве мы властны в своих пристрастиях? Людям, наделенным вкусами излишне своеобразными, стоит посочувствовать, однако унижать их не следует никогда, ведь причуды эти заложены в них самой природой. И виновны они в том, что пришли в этот мир с подобными склонностями, ничуть не более тех, что рождены кривоногими, а не прекрасно сложенными. Разве тот, кто выказывает желание насладиться вашим телом, произносит нечто для вас неприятное? Отнюдь. Скорее, делает вам комплимент. Зачем же отвечать на комплимент оскорблениями или бранью? Так поступают лишь совершенные болваны. Человек благоразумный наверняка присоединится к моему мнению. Правда, мир наш, к несчастью, наводнен пустоголовыми идиотами, которые уверены, что, полагая их пригодными для утех, вы тем самым проявляете к ним неуважение. Они испорчены женщинами, ревниво охраняющими от посягательств свои права, такие мужчины воображают себя донкихотами – они борются за сохранение заурядных своих привилегий, грубо обходясь с теми, кто не признает всеохватности женского владычества.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Ах, дружок, дай я тебя расцелую! Ты не был бы моим братом, если бы думал иначе. Но умоляю, не пропускай подробностей ни о самом Дольмансе, ни о ваших утехах.

ШЕВАЛЬЕ. Через одного из моих друзей господину Дольмансе стало известно о внушительном члене, коим я, как тебе известно, оснащен. Он уговорил маркиза де V. пригласить меня на ужин. На месте мне пришлось предъявить свое достояние... Поначалу мне казалось, что интерес присутствующих вызван простым любопытством. Однако прекраснейший зад, развернутый в мою сторону, и мольбы воспользоваться им для наслаждения явно свидетельствовали о том, что проверка моих данных устроена с целью удовлетворения пристрастия особенного. Я предупредил Дольмансе о возможных трудностях подобного предприятия. Ничто не испугало его: «Мне не страшен даже таран, – сказал он мне, – а вам, в сравнении с другими, даже не достанется слава самого грозного орудия, пробившего эту жопу!» Маркиз находился рядом. Он приободрял нас, теребя, щупая, целуя все, что мы оба извлекли из своих штанов. Я являюсь во всей красе... и приступаю к некоторым подготовительным мерам: «Никаких смазок! – приказывает мне маркиз. – Иначе вы лишите Дольмансе половины ощущений, которых он от вас ожидает. Он жаждет, чтобы его рассекли... разодрали на части». – «Он будет удовлетворен!» – отвечаю я, слепо погружаясь в пучину... Ты наверное думаешь, сестренка, что мне

это стоило невероятного труда? Ничуть. Мощный мой кол провалился с необычайной легкостью, я коснулся самой глубины его нутра – а этому малому все нипочем. Я обращался с Дольмансе весьма дружелюбно. Он бурно вкушал наслаждение, подергиваясь и произнося ласковые речи, радость его тотчас передавалась мне, и я его затопил. Едва я вышел из него, Дольмансе, раскрасневшийся и растрепанный, точно вакханка, повернулся ко мне лицом: «Взгляни, до какого состояния ты меня довел, дорогой шевалье! – воскликнул он, обращая ко мне свой упрямо вздыбившийся член, довольно длинный – никак не меньше шести дюймов в обхвате. – О, любовь моя! Ты уже побыл моим любовником, соблаговоли теперь послужить мне женщиной, и тогда я буду вправе заявить, что вкусил в твоих божественных объятиях милые моему сердцу утехы сполна». Сочтя, что вторую его просьбу мне исполнить ничуть не сложнее, нежели первую, я согласился. Тут прямо на моих глазах снимает с себя штаны маркиз и умоляет меня еще чуточку побыть в роли мужчины с ним, пока я буду женщиной его друга. И я обхожусь с маркизом столь же дружелюбно, как с Дольмансе, тот же, в свою очередь, вернув мне сторицей удары, обрушенные мною на третьего нашего участника, вскоре изливает мне в зад ту самую волшебную жидкость, которой я, почти в то же мгновение, орошаю зад маркиза де V.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Ты, братец, должно быть, испытал необычайное блаженство, очутившись между двумя одновременно. Говорят, это просто восхитительно.

ШЕВАЛЬЕ. Совершенно точно, ангел мой, это наилучшая позиция. Но что бы об этом ни говорили, сие есть не более, чем причуда, и я никогда не предпочту ее наслаждению от женщины.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Ну что ж, разлюбезный мой, дабы вознаградить твою милую к нам снисходительность, сегодня же предоставляю пылким твоим взорам юную девственницу, прекраснее самого Амура.

ШЕВАЛЬЕ. Как! В ожидании Дольмансе... ты приглашаешь сюда женщину?

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Речь идет о воспитании. С этой девочкой я познакомилась прошлой осенью, в пансионате, где я находилась, пока мой муж отдыхал на водах. Там мы с ней были у всех на виду – и потому ни на что не решились; однако условились встретиться при первой возможности. И вот, сгорая от неутоленного желания, я завязываю знакомство с ее семьей. Отец оказывается распутником... я без труда соблазняю его. Добиваюсь согласия на приезд красотки, она уже в пути, я жду ее; мы проведем вместе два дня... два упоительных дня. Большую часть этого времени я употреблю на обучение юной особы. Дольмансе и я вложим в ее хорошенькую головку принципы самого разнузданного разврата, мы зажжем ее нашим огнем, привьем ей нашу философию, внушим наши желания. Мне не терпится соединить теорию с практикой, наглядно продемонстрировав каждое рассуждение, а посему тебе, братец, предназначено сорвать мирты Цитеры, а Дольмансе – розы Содома. Себе же я уготовливаю двойное наслаждение – вволю потешиться запретными утехами самой и пристрастить к ним милую простушку, завлеченную в наши сети, давая ей уроки распутства. Ну как тебе мой план, шевалье, не делает ли он честь моему воображению?

ШЕВАЛЬЕ. Замысел твой – плод богатой фантазии, сестрица, он божествен, обещаю добросовестно исполнить ту приятную роль, которая мне отведена. Ах, выдумщица, представляю, как ты насладишься, воспитывая эту малютку! Какая для тебя отрада – развращать ее, вытравлять из неопытного ее сердечка семена добродетели и веры, привитые прежними наставниками! На мой взгляд, это, пожалуй, даже слишком *извращенно*.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. О, я ни перед чем не остановлюсь, растлеваю ее, повергну в прах ложные принципы морали, которыми ее дурманили прежде. Мне хочется за два урока превратить ее в такую же мерзавку, как я сама... в такую же безбожницу... распутницу. Подготовь Дольмансе, введи его в курс дела, едва он появится. Пусть яд его безнравственности проникнет в ее юную душу, сливаясь с отравой, которую впрысну я, – и тогда мы вырвем с корнем все ростки добродетели, успевшие дать всходы до нашего вмешательства.

ШЕВАЛЬЕ. Более подходящего растлителя тебе не сыскать: богохульства, издевки и непристойности извергаются из губ Дольмансе столь же неудержимо, сколь в былые времена елейные мистические речи стекали с уст знаменитого архиепископа из Камбре. Дольмансе – искуснейший обольститель, человек на редкость испорченный и опасный... Ах, дорогая подружка, едва твоя ученица будет вручена попечению такого наставника – падение ее не заставит себя долго ждать!

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Обучение определенно не затянется – я разглядела в ней такие способности...

ШЕВАЛЬЕ. Но сестрица, а как насчет родительского гнева? Вдруг девчушка, вернувшись домой, проболтается?

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Бояться нечего: отца я соблазнила... он в моей власти. Такого признания тебе достаточно? Скажу больше – отдалась я ему лишь при условии, что он на все закроет глаза. Об истинных моих намерениях он осведомлен не до конца, и, надеюсь, никогда не посмеет в них вникать... Словом, я держу его в руках.

ШЕВАЛЬЕ. Твои средства ужасны!

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. А иначе они не были бы верными.

ШЕВАЛЬЕ. Ладно. Расскажи теперь об этой юной особе.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Девочку зовут Эжени. Она – дочь одного из богатейших столичных откупщиков Мистиваля. Отцу около тридцати шести лет, матери – года тридцать два, самой малютке – пятнадцать. Мистиваль крайне распутен, супруга его крайне набожна. Что до Эжени – любые попытки описать ее тщетны – она выше всяких похвал. Думаю, довольно будет моего утверждения: ни ты, ни я еще не встречали создания более прелестного.

ШЕВАЛЬЕ. Не желаешь живописать – сделай хотя бы набросок. Должен же я представлять, с кем имею дело, и сотворить образ идола, которому надлежит приносить жертвы.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Итак, слушай, друг мой. У нее каштановые волосы – такой густоты, что рукой не обхватишь – длиной до низа попки. Лицо ослепительной белизны, носик с чуть заметной горбинкой, глаза чернее ночи, огненные и пронзительные!.. Неотразимый взгляд... Не представляешь, на какие безрассудства готова я ради этих глаз... Их увенчивают очаровательные брови... и обрамляют не менее изумительные веки!.. Маленький рот, роскошные губки, сама свежесть!.. С какой грациозностью держится на плечах ее прекрасная головка, какой благородный изгиб шеи... Эжени кажется взрослой и выглядит на семнадцать лет. Тоненькая изящная талия, обольстительная грудь... Ах, эта пара сисечек!.. Едва заполняют ладонь, но такие упругие... гладенькие... белоснежные!.. Раз двадцать теряла я голову, покрывая их поцелуями! Ты бы видел, как эта девочка оживлялась от моих ласк... какое душевное смятение сквозило в огромных ее глазах!.. Об остальном, друг мой, могу пока лишь догадываться. Но судя по тому, что мне уже знакомо, божества достойнее не найдется и на Олимпе... Вот я уже слышу ее шаги... оставь нас. Пройдешь через сад, чтобы не столкнуться с ней, вернешься в точно назначенный час.

ШЕВАЛЬЕ. На свидание я не опоздаю – залогом моей точности послужит изображенная тобой картина... О, небо! Уйти... покинуть тебя сейчас, взгляни, в каком я состоянии!.. Прощай... но сначала поцелуй... один поцелуйчик, сестричка, хоть немного успокой меня. *(Она целует брата, касаясь его члена сквозь штаны, и молодой человек поспешно выходит.)*

ВТОРОЙ ДИАЛОГ

Госпожа де Сент-Анж, Эжени.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Здравствуй, ненаглядная моя. Ты как будто почувствовала, читая в моем сердце, с каким нетерпением я ждала тебя.

ЭЖЕНИ. О! Милая, дорога казалась мне бесконечной, так мне не терпелось поскорее обнять тебя. За час до отъезда я еще опасалась, что все переменится. Матушка решительно воспротивилась нашей восхитительной затее. Она заявила, что девушке моих лет негоже выезжать одной. Но тут вмешался отец: позавчера он ей всыпал, и довольно грубо, так что теперь одного его сурового взгляда оказалось довольно, чтобы поставить госпожу де Мистиваль на место. В конце концов, она смирилась с тем, что отец разрешает мне ехать, и я тут же примчалась. Мне отпущено два дня. Послезавтра одна из твоих служанок должна привезти меня назад в твоей карете.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Как быстро пролетят эти два дня, мой ангелочек! За столь короткий срок я едва ли успею выразить все, что к тебе испытываю... К тому же есть о чем поговорить. За недолгие часы общения мне надлежит посвятить тебя в самые сокровенные таинства Венеры. Как тут уложиться в два дня!

ЭЖЕНИ. Ах, я останусь, пока всего не узнаю... Я пришла учиться и не выйду отсюда, пока не стану просвещенной.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ (*целуя ее*). О, любовь моя, нам предстоит еще столько сделать и столько сказать друг дружке! Кстати, не желаешь ли ты позавтракать, моя королева? Урок наш может затянуться.

ЭЖЕНИ. Дорогая наперсница, у меня только одно желание – слушать тебя. Я уже позавтракала в одном лье отсюда. И теперь спокойно продержусь до восьми часов вечера.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Тогда пройдем в мой будуар, там мы расположимся поуютней. Я уже предупредила слуг. Смею тебя уверить: нас никто не побеспокоит. (*Они идут туда, обнявшись.*)

ТРЕТИЙ ДИАЛОГ

Госпожа де Сент-Анж, Эжени, Дольмансе.

Действие происходит в роскошном будуаре.

ЭЖЕНИ (*в крайнем изумлении, что видит в комнате мужчину, которого вовсе не ждала*). О, Боже! Дорогая подруга, это же предательство!

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ (*удивленная ничуть не меньше*). Как это вас занесло сюда, сударь? Насколько мне помнится, вам надлежало прибыть к четверем?

ДОЛЬМАНСЕ. В предвкушении счастья увидиться с вами, сударыня, я несколько опередил события. Я разговаривал с вашим братом о занятиях, которые вы намереваетесь вести с мадемуазель, и он счел мое присутствие необходимым. Зная, где намечено устроить лицей для чтения лекций, он тайно привел меня сюда, полагая, что сие не вызовет вашего неодобрения. Что же до него самого, он уверен: наглядные объяснения с его участием понадобятся лишь после рассуждений теоретических, так что к нам он присоединится попозже.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Сказать по правде, Дольмансе, вот так фортель...

ЭЖЕНИ. Не такая уж я простушка. Ведь все это твоих рук дело, милая подруга... могла бы со мной посоветоваться... Теперь я чувствую себя посрамленной, а это определенно нарушит наши планы.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Поверь, Эжени, идея этой проделки целиком принадлежит моему брату. Твои тревоги напрасны. Дольмансе мне известен, как человек необыкновенно любезный, с особым, философским, складом ума, незаменимым для твоего воспитания. Для осуществления наших замыслов он крайне полезен. В смысле соблюдения тайны, положишься на него так же, как на меня. Держись непринужденно с этим господином, милочка, он, как никто, знает свет и наилучшим образом разовьет тебя, выводя на верный путь к счастью и наслаждению – по нему мы и проследуем всей нашей компанией.

ЭЖЕНИ (*краснея*). О! Я все равно стесняюсь...

ДОЛЬМАНСЕ. Полно, прекрасная Эжени, будьте раскованней... стыдливость – отжившая добродетель, без нее обойтись совсем несложно, тем более, с вашими прелестями.

ЭЖЕНИ. Но приличия...

ДОЛЬМАНСЕ. Еще одно допотопное понятие, совершенно утратившее ценность в наши дни. Правила приличия в корне противоречат законам природы! (*Дольмансе хватает Эжени, сжимает ее в своих объятиях и целует.*)

ЭЖЕНИ (*защищаясь*). Прекратите же, сударь!.. Обращение ваше, право, бесцеремонно!

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Послушай меня, Эжени, перед этим милым господином нам с тобой не нужно строить из себя недотрог. Я знакома с ним не дольше, чем ты, но видишь, я доверяюсь ему! (*Она похотливо целует его в губы.*) Делай, как я.

ЭЖЕНИ. О! Теперь и мне захотелось, ты заразила меня своим примером! (*Она также доверяется Дольмансе, который страстно целует ее, проникая языком ей в рот.*)

ДОЛЬМАНСЕ. Ах, чаровница!

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ (*целуя ее в свою очередь*). И не надейся, маленькая шалунья, что я откажусь от того, что причитается мне! (*Тут Дольмансе, обнимая обеих, примерно четверть часа лижет их, они обе тоже лизжут друг дружку, а затем отвечают ему тем же.*)

ДОЛЬМАНСЕ. Сладостные, пьянящие прелюдии! Дорогие дамы, вы не находите, что здесь невыносимо жарко? Оденемся поудобнее, так будет гораздо легче беседовать.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Не возражаю, накинem эти прозрачные симары, прикроем лишь то, что следует утаивать от вожделения.

ЭЖЕНИ. Сказать по правде, дорогая, вы толкаете меня на такое!..

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ (*помогая ей раздеться*). Презабавные одеяния, не правда ль?

ЭЖЕНИ. Да уж, и к тому же весьма нескромные... О, как ты меня целуешь!

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Прелестная грудка!.. Едва распутившийся розан.

ДОЛЬМАНСЕ (*разглядывая соски Эжени, но не прикасаясь к ним*). Такие бутончики обещают мне другие приманки... куда более ценные.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Более ценные?

ДОЛЬМАНСЕ. О да, клянусь честью! (*Произнося это, Дольмансе разворачивает Эжени, пытаясь разглядеть ее сзади.*)

ЭЖЕНИ. О нет, не надо, умоляю вас.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Остановитесь, Дольмансе... Я пока запрещаю вам взирать на предмет, имеющий над вами столь неодолимую власть, иначе он поглотит все ваши мысли, и вы утратите способность рассуждать хладнокровно. Мы ждем от вас уроков, так преподайте же их, после этого столь вожделенные вами мирты непременно послужат вам наградой.

ДОЛЬМАНСЕ. Пусть так, но имейте в виду, мадам: для наглядности преподавания нашему прелестному ребенку первых уроков распутства мне потребуется ваше любезное согласие сделаться моей соучастницей.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. С удовольствием!.. Ну вот, взгляните, я уже голая: пользуйтесь мною для ваших умствований сколько угодно!

ДОЛЬМАНСЕ. Ах! Роскошное тело!.. Сама Венера, в соединении с Грациями!

ЭЖЕНИ. О, дорогая подруга, сколько красот! Позволь мне потрогать их руками, позволь поцеловать их. (*Исполняет.*)

ДОЛЬМАНСЕ. Удивительный талант! Только чуточку умерьте свой пыл, прекрасная Эжени, поскольку сейчас я потребую от вас внимания.

ЭЖЕНИ. Конечно, я готова слушать вас, готова... до чего же она хороша... до чего пышна... свежа!.. Моя подруга изумительна, не правда ль, сударь?

ДОЛЬМАНСЕ. Безусловно, она красива... я бы даже сказал, безусловно красива. Впрочем, по моему мнению, вы ни в чем ей не уступаете... Итак, моя хорошенькая ученица, придется вам выслушать меня – а иначе, в случае непослушания, я воспользуюсь правами, предоставляемыми мне званием вашего учителя.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. О да, да, Дольмансе! Она в полном вашем распоряжении. Не будет умницей – отчитайте ее и пожестче.

ДОЛЬМАНСЕ. Думаю, одними внушениями здесь не обойтись.

ЭЖЕНИ. О, небо праведное! Не пугайте меня, сударь... что вы намереваетесь предпринять?

ДОЛЬМАНСЕ (*бормоча и целуя Эжени в губы*). Сначала легкие телесные наказания... затем хорошая трепка – и прелестная попка с лихвой расплатится за провинности головы. (*Через тонкую симару он шлепает Эжени по задку.*)

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Одобряю ваш замысел в целом, однако отвлекаться не стоит. Приступим непосредственно к уроку. Нам отпущено совсем немного времени на утеху с Эжени. Если мы растратим его на подготовительную часть, до основного курса дело так и не дойдет.

ДОЛЬМАНСЕ (*касаясь, по мере объяснения, тех или иных участков тела госпожи де Сент-Анж*). Итак, начнем. Не стану долго описывать эти полушария из плоти: вы, Эжени, не хуже меня знаете их названия – бюст, груди, сиськи. Им принадлежит важная роль в акте насла-

ждения; они постоянно перед глазами, любовнику удобно мять и ласкать их. Кое-кто предпочитает устраивать из них алтарь наслаждения, помещая свой член меж двух холмов Венеры, чтобы женщина стискивала и зажимала его. Иные мужчины, после недолгого трения, изловчатся слить туда восхитительный бальзам жизни, чье истечение – суть высшее блаженство распутника... Кстати о члене, рассуждать о нем можно бесконечно. Не пора ли и нам, сударыня, немного пофилософствовать об этом с нашей ученицей?

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Думаю, самое время.

ДОЛЬМАНСЕ. Отлично, сударыня. Тогда я улягусь на это канапе, вы расположитесь рядом, завладеете сим предметом и лично продемонстрируете его достоинства нашей юной ученице. (*Дольмансе устраивается, а госпожа де Сент-Анж показывает.*)

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Перед твоими глазами, Эжени, скипетр Венеры – это главный участник любовных утех. Чаще всего именуемый «членом». Нет ни одной части тела, куда нельзя было бы его ввести. Покоряясь страстям своего управителя, он нередко пристраивается вот здесь (*она касается лобка Эжени*), продвигаясь по обычной дорожке... самой проторенной, но не самой приятной. В поисках храма для посвященных истинный распутник обратит свои взоры скорее сюда (*она раздвигает свои ягодицы и показывает отверстие между ними*): мы не раз будем возвращаться к такому способу наслаждения – ибо нет ничего более восхитительного. Рот, грудь, подмышки также служат алтарями для воскурения фимиама. Независимо от места, избранного нашим героем, после нескольких движений, он извергает вязкую белую жидкость, извержение ее приводит мужчину в исступленный восторг, являющий собой сладчайшее в жизни удовольствие.

ЭЖЕНИ. О, я жажду видеть, как истекает эта жидкость!

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Для этого достаточно даже подрагивания моей руки. Смотри, по мере того, как я его встряхиваю, он возбуждается! Такие движения называют *мастурбацией*, а на языке развратников действие сие обозначается словом *онанировать*.

ЭЖЕНИ. О, бесценная моя, позволь мне поонанировать этот замечательный член!

ДОЛЬМАНСЕ. Больше не вытерплю! Не станем ей мешать, сударыня: от этой наивности у меня стоит, как бешеный.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Решительно возражаю. Будьте благоразумны, Дольмансе, не вскипайте раньше времени. Истечение семени ослабит активность ваших животных инстинктов, что неизбежно умерит пыл ваших рассуждений.

ЭЖЕНИ (*ощупывая детородные яички Дольмансе*). О, зачем ты противишься моим желаниям, милая подружка, ты обижаешь меня!.. А это что за шарики, для чего они служат и как называются?

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Техническое обозначение – *яйца*... научный термин – *тестикулы*. Эти шарики – хранилище плодоносного семени, о котором я только что говорила, благодаря его извержению в матку женщины совершается воспроизводство рода человеческого. Не стоит углубляться в детали, Эжени, куда более важные для медицины, нежели для распутства. Красивой девушке надлежит исключительно *совокупляться*, но ни в коем случае не *рожать*. Мы лишь слегка коснемся вопросов, имеющих отношение к скучному механизму размножения, дабы подробнее остановиться на крайне важных для нас областях – сладострастии и разврате, весьма далеких от задач роста народонаселения.

ЭЖЕНИ. Дорогая, мне трудно вообразить, как огромный член, едва помещающийся в моей руке, многократно проникает в такую узенькую дырочку, как у тебя сзади – по моим представлениям, это непременно причинит женщине сильную боль.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Женщина непривычная испытает боль и от проникновения спереди, и от проникновения сзади. Природе угодно вести нас к счастью лишь через страдания. Однако едва боль преодолена – ничто уже не препятствует наслаждению. Удовольствие, испытываемое от введения члена в зад, – безусловно, превосходит любые ощущения от принятия

его спереди. От скольких опасностей ограждена при этом женщина! Никакого риска для здоровья, никакой угрозы беременности. Не стану распространяться о преимуществах данного вида наслаждения. Наш многоуважаемый учитель проведет всеобъемлющий анализ, соединяя теорию с практикой, после чего, надеюсь, сумеет убедить тебя, милочка: из всех разновидностей сладострастия предпочтение следует отдать именно этому способу.

ДОЛЬМАНСЕ. Поторопитесь с вашими показами, сударыня, умоляю, я уже не в силах сдерживаться. Вот-вот изольюсь помимо своей воли, грозный мой член, того и гляди, обратится в ничто и станет непригодным для ваших уроков.

ЭЖЕНИ. Как! Неужели он исчезнет, если потеряет семя, о котором ты говорила! О, милая, разреши, я заставлю его потерять это семя, хочу посмотреть, во что он превратится... Наверное, ужасно приятно наблюдать, как оно истекает!

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Нет, нет, Дольмансе, еще не время, поднимайтесь; не забывайте – награду за ваши труды я вручу вам лишь после того, как вы ее заслужите.

ДОЛЬМАНСЕ. Хорошо. Все же для лучшего убеждения Эжени в действенности удовольствий, о которых мы ей недавно поведали, не сочтете ли вы уместным немножко помастурбировать ее передо мной?

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Не просто сочту уместным – более того, исполню это с радостью, ибо столь волнующий эпизод, несомненно, поспособствует нашим лекциям. Располагайся на канаве, моя милочка.

ЭЖЕНИ. О Господи! Что за прелестная ниша! А зачем столько зеркал?

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Тысячекратно повторяя различные позы, зеркала до бесконечности разнообразят удовольствия в глазах тех, кто вкушает их на оттоманке. Благодаря этой искусной уловке ни один уголок тела не утаен от взоров: всё на виду. Вокруг занимающихся любовью возникают группы подражателей их сладостным действиям, от стольких восхитительных картинок восторг любовников достигает невиданного накала.

ЭЖЕНИ. Потрясающее изобретение!

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Дольмансе, разденьте-ка нашу жертву...

ДОЛЬМАНСЕ. Это совсем несложно, достаточно сорвать тонкий покров, и нам откроются весьма трогательные прелести. (*Раздевает ее догола, первые его взгляды обращены на ее зад*). Наконец-то, вот она, эта божественная, драгоценная попка, которой я так безуспешно домогаюсь!.. Черт возьми, какая пышка, свеженькая, изящная, просто блеск!.. Никогда не встречал прекраснее!

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Ах, проказник! Первые же похвалы выдают твои вкусы и привычки!

ДОЛЬМАНСЕ. Ничто в мире с этим не сравнится! Есть ли у любви алтарь более сокровенный?.. Эжени... восхитительная Эжени, дай истомить твою попку нежнейшими на свете ласками! (*Он ощупывает ее и вдохновенно целует.*)

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Остановитесь, развратник!.. Вы забываетесь, Эжени принадлежит мне одной, а от вас ожидается лишь уроков. Она достанется вам в награду, но только после того, как вы ее обучите. Так что умерьте свой пыл, иначе я рассержусь.

ДОЛЬМАНСЕ. Ах, плутовка! Да вы просто ревнуете. Ну ладно, подставьте мне взамен вашу собственную попку, я воздам ей не меньше почестей. (*Он приподнимает накидку госпожи де Сент-Анж и ласкает ее сзади.*) Ах, до чего же она у вас прекрасна, ангел мой!.. Просто восторг! Поставим их рядышком для сравнения: Ганимед на фоне Венеры! (*Осыпает и ту, и другую поцелуями.*) Хочется продлить этот волнующий спектакль. Потрудитесь обняться с нею, мадам, предоставив восхищенным взорам ценителя сразу два восхитительных предмета его поклонения!

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Великолепно!.. Пожалуйста, теперь вы удовлетворены? (*Они переплетаются так, что их ягодички оказываются прямо перед Дольмансе.*)

ДОЛЬМАНСЕ. Лучше не бывает: именно то, что я просил. А теперь подвигайте своими прелестными попками, разожгите в них огонь похоти, поднимайте и опускайте их в такт испытываемому вами наслаждению... Да, вот так, восхитительно!..

ЭЖЕНИ. Ах, дорогая, как мне с тобой хорошо!.. А что мы делаем сейчас?

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Мы *онанируем*, моя милая... то есть доставляем себе удовольствие. А теперь давай изменим позу. Смотри: вот мое *влагалище*... именно этим словом обозначают храм Венеры. Внимательно взглядишь в пещерку, которую закрывает моя рука: сейчас я ее приоткрою. Возвышение, ее венчающее, – *лобок* – обрастает волосами, кода у девушек начинается менструация, обычно лет в четырнадцать-пятнадцать. Вот этот язычок, чуть пониже, называется *клитор*. Это средоточие всей женской чувственности, и моей собственной в том числе. Когда меня там щекочут, я млею от наслаждения... Попробуй-ка... Ах ты, маленькая бестия! Как лихо у тебя получается!.. Будто всю жизнь только этим и занималась!.. Стой!.. Хватит!.. Больше не надо, говорю тебе, не хочу отдаваться до конца!.. Удержите же меня, Дольмансе!.. Иначе волшебные пальчики этой красотки сведут меня с ума!

ДОЛЬМАНСЕ. Неудивительно! Остудите хоть самую малость разгоряченные ваши мозги: для разнообразия пощекочите ее сами – пусть отдается она, а не вы... Да, именно так!.. И в такой позе. Прелестный ее задик окажется прямо перед моими руками. И я легонечко *помастурбировать* его пальцем... Расслабьтесь, Эжени, подчините все свои чувства наслаждению. Возведите его в верховное божество вашей жизни. Призвание юной девушки – жертвовать всем на свете во имя наслаждения. Нет для нее ничего священнее удовольствий.

ЭЖЕНИ. Ах, действительно, ничего более восхитительного я не испытывала... Я вне себя... не соображаю, что делаю, говорю... Я хмелею от избытка чувств!

ДОЛЬМАНСЕ. Как раззадорилась наша забавница!.. Ее анус сокращается так, будто сейчас откусит мне палец... Самое время поставить ее раком – она была бы просто неподражаема! (*Он поднимается и приставляет свой член к заднему проходу юной девушки.*)

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Еще чуточку терпения. Более всего нас должно занимать воспитание этой малютки!.. До чего же сладко ее наставлять!

ДОЛЬМАНСЕ. Согласен! Итак, Эжени, после более или менее длительной мастурбации семенные железы набухают и в конце концов изливают жидкость, чье истечение приводит женщину в неопишуемый восторг. Происходит так называемая *разрядка*. Когда твоя бесценная подружка позволит, я покажу тебе, насколько мощно и энергично разряжаются мужчины.

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Погоди, Эжени, объясню тебе еще один способ погружения женщины в бездну сладострастия. Хорошенько раздвинь бедра... Порадую вас, Дольмансе, – разложу ее так, что в вашем распоряжении окажется зад! Вылизывайте его, а я пока пройду языкком по влагалищу. Поместим ее между нами и постараемся добиться, чтобы она три-четыре раза подряд лишилась чувств от удовольствия. Твой лобок, Эжени, очарователен. Как мне нравится целовать этот пушок... Теперь хорошо просматривается клитор, еще не вполне сформировавшийся, но уже на редкость чувствительный... Как ты трепещешь!.. Дай-ка я еще раздвину... Ах, ты на самом деле девственна!.. Скажи, что ты чувствуешь, когда наши языки одновременно проникают тебе в оба отверстия. (*Исполняется.*)

ЭЖЕНИ. Ах, дорогая, так восхитительно, что не поддается описанию! Трудно сказать, который из двух языков сильнее погружает меня в безумство страсти.

ДОЛЬМАНСЕ. В данной позе мой член совсем рядом с вашими руками, мадам. Собирайте помастурбировать его, пока я сосу этот божественный зад. Втыкайте поглубже ваш язык, мадам, не ограничивайтесь простым посасыванием клитора. Пусть похотливый ваш язык достанет ей до самой матки: так наилучшим образом ускорится ее извержение.

ЭЖЕНИ (*напрягшись*). Ах, больше не могу! Не оставляйте меня, друзья мои, я упаду в обморок, я умру!.. (*Она достигает разрядки в объятиях двух своих учителей.*)

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Ну как, милочка, оценила доставленное тебе удовольствие?

ЭЖЕНИ. Я словно мертвая, разбитая... уничтоженная!.. Но пожалуйста, объясните мне значение двух слов, которые вы употребили – мне не все понятно. Начнем с того, что такое *матка*?

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Это своеобразный сосуд, напоминающий бутылку, чье горлышко обхватывает мужской член, туда стекает сок, вырабатываемый женскими железами, а также мужская сперма – ее извержение мы тебе еще покажем. От слияния двух этих жидкостей возникает зародыш, который постепенно превращается то в мальчиков, то в девочек.

ЭЖЕНИ. А, теперь ясно! Это определение проясняет мне смысл слова *сперма*, которое я не сразу поняла. А разве для образования зародыша необходим союз двух семян?

Г-ЖА ДЕ СЕНТ-АНЖ. Безусловно, хотя доказано, что существованием своим зародыш обязан исключительно мужской сперме; но тем не менее, изверженная сама по себе, без слияния с тем, что выделяют женщины, она не способна что-либо породить; женский же сок служит только для переработки – ничего не создавая, он лишь помогает созиданию, не являясь его причиной. Многие современные натуралисты уверяют, что он вообще бесполезен; из чего наши моралисты, следуя за открытиями естественников, делают вполне закономерный вывод о том, что ребенок, сформированный из крови отца, должен испытывать привязанность лишь к нему одному. Утверждение настолько очевидное, что даже я – женщина – не смею его оспаривать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.